

У подножия величественных гор глубокий, словно бездонная пропасть, разлом преграждал путь реке. Среди пышной зелени поток срывался вниз, рисуя в воздухе изящную дугу, и с мелодичным звоном, напоминающим серебряные колокольчики, разбивался о бирюзовую гладь глубокого омута на дне ущелья.

Над водопадом, прямо в бурлящем русле, вразнобой были разложены обтесанные каменные глыбы, украшенные резьбой в виде цветов и мифических зверей. Они складывались в прерывистый мост, ведущий в самую глубь горных хребтов. Там, вдали, сквозь туман проступали бесчисленные ярусы крыш с загнутыми вверх углами, зеленые черепичные кровли и величественные павильоны.

Даос в одеянии цвета лотоса вел за руку ребенка ростом не выше пояса по извилистой лесной тропе. Дорогу обступили вековые деревья, чьи ветви, причудливо переплетаясь, укрывали небо. По мере того как путники делали шаг, вдоль тропы одна за другой вспыхивали теплым золотистым светом каменные фонари, а стоило пройти мимо — медленно гасли.

Мальчику было лет шесть-семь. Несмотря на простую одежду из грубой ткани и плетеные сандалии, личико его было необычайно живым и миловидным. Он шел, робко сжимая в своей ладони мозолистые пальцы даоса, и неотрывно смотрел под ноги на каменные плиты. Даже когда вспыхивали фонари, он не проронил ни звука.

Даос с мягким взглядом склонился к нему и, тихо рассмеявшись, потрепал ребенка по темным волосам. Подхватив мальчика на руки, он легко перепрыгнул через каменные столбы над водопадом, и вскоре перед ними выросли высокие ворота из белого нефрита.

Надпись на арке, высеченная давным-давно, за годы непогоды слегка стерлась, но мощь и твердость почерка чувствовались до сих пор. На камне значились три иероглифа: Фаньсинчжоу, а рядом — парная надпись: Польза ладьи и весла — путь открыт везде и всегда.

Ребенок поднял голову и впервые с момента входа в горы распахнул свои ясные изумрудные глаза.

За белоснежными воротами раскинулась обширная территория переднего двора Фаньсинчжоу. Здесь постоянно сновали ученики, которые, завидев добродушного даоса, почтительно склонялись: — Господин Нань.

Они не стали задерживаться в передней части обители. Пройдя через вереницу ворот и дворцов, они поднялись вверх по течению водопада и оказались в самом сердце горных владений, среди бескрайних вод.

Лодка скользила между зарослями лотосов. Сейчас был самый разгар цветения: ярко-алые бутоны пестрели на фоне изумрудной воды, а вокруг высились окутанные облаками горы. На озере тянулась череда белоснежных павильонов и беседок, соединенных крытыми галереями. Молодые люди в белых одеждах с синими поясами быстро шагали по мостикам, оглашая окрестности звонким смехом.

Лодка плыла сама по себе, без весел, плавно раздвигая широкие листья. Мальчик с изумрудными глазами, уцепившись за борт, с любопытством озирался по сторонам. Но стоило ему поймать на себе взгляды молодых учеников, как он тут же отводил глаза и, сложив руки на коленях, старательно делал вид, что его ничто не интересует.

Ученики один за другим останавливались, с живым интересом и почтением приветствуя даоса: — Господин Нань! — Учитель! — раздавалось отовсюду.

Множество добрых и любопытных глаз было устремлено на ребенка в лодке. Тот крепко сжал подол своей грубой рубахи, опустил голову и робко выглянул из-под ресниц. На мостике выстроился ряд улыбающихся лиц: кто-то был одного возраста с ним, у кого-то не хватало молочных зубов, а на лицах других уже проступала юношеская серьезность.

Даос в одеянии цвета лотоса улыбнулся:

— А-Хун, отныне это твой дом.

Белые облака плыли неспешно. Десять лет пролетело, как один миг, сменив не одну пору цветения трав в переднем дворе. Те самые каменные столбы над водопадом, через которые учителя приходилось переносить его на руках, Нань Чичжи теперь перешагивал играючи.

К юго-западу от озера Нефэн, в павильоне с белыми стенами и зеленой черепичной крышей, Нань Чичжи лежал на кровати за ширмой. Лицо его было бледным, глаза плотно закрыты.

У изголовья сидела девушка на пару лет младше него. Она была одета в белое платье с желтой накидкой, а на поясе у нее покачивался мешочек с сушеной энотерой. Подперев щеки ладонями, она с тревогой ворчала:

— Сколько же он уже лежит? Когда же старший брат А-Хун наконец проснется?

У дверей сидел юноша лет семнадцати в строгом лунно-белом халате с широкими рукавами. Услышав ее слова, он приподнял голову и пробормотал:

— Мой отец еще два дня назад сказал, что жизненные силы А-Хуна не задеты, все будет хорошо. Успокойся, младшая сестра Яньси.

Над озером за пределами павильона пробежала легкая рябь, ветер принес аромат лотосов. Девушка потерла лицо руками и тихо пожаловалась:

— Ли Цюнчжи и другие даже не заглянули к старшему брату А-Хуну. Мы ведь вместе росли, неужели у них совсем нет сердца?

— Старший брат Ли в этом месяце стал помощником на пике Меча, у него столько дел, что он просто не может вырваться. Да и вообще, во всем Фаньсинчжоу не найдется второго такого человека, как ты, кто месяцами прогуливает утренние занятия, лишь бы прийти сюда. Сама прогуливаешь, так еще и меня заставляешь...

Юноша в белом говорил все тише, опасаясь, что девушка за ширмой сейчас выскочит и задаст ему трепку.

— Я же боюсь, что если старший брат проснется, а рядом никого не будет! — девушка вскочила на ноги. — Цзян Синчжи, ты же знаешь, в зале Нефэн сейчас из-за исчезновения господина Наня все с ног сбиваются, некому даже присмотреть за братом! Если бы я знала, что поход в горы так обернется, я бы зубами вцепилась в бабушку, лишь бы она взяла меня с собой!

Юноша сокрушенно покачал головой:

— Да угомонись ты, маленькая предводительница! Когда ты вернулась с прошлого задания, твоя бабушка была ранена и ушла в затворничество, а господин Нань вообще пропал без вести. Куда ты, на третьей ступени возведения фундамента, сунулась? Еще неизвестно, удастся ли господину Наню избежать беды...

— Я... я просто к слову сказала...

Девушка в желтом сердито зыркнула в сторону ширмы и обиженно опустила на табурет.

В этот самый момент ресницы Нань Чичжи дрогнули. Девушка этого не заметила, продолжая задумчиво тереть свои пальцы, похожие на белый нефрит. Лишь когда юноша у дверей, встрепенувшись, указал на кровать и поспешно воскликнул: — Яньси! Яньси! А-Хун проснулся! — она обернулась.

Нань Чичжи, словно очнувшись от долгого сна, изо всех сил попытался разлепить свои подернутые туманом изумрудные глаза и затуманенным взглядом уставился в небо за резным окном.

<http://bllate.org/book/19119/1877629>